

Переводы

Сборник переводов с английского и испанского языков

г. Павловск
2005 г.

На дороге познания

Перед вами – сборник переводов учеников школы им. Горчакова. Они начали серьёзно заниматься переводом в сентябре только что истекшего учебного года, но уже успели почувствовать, что занятия эти требуют не только хорошего знания языка, с которого переводишь, но и прекрасного владения родным языком, общей эрудиции, умения пользоваться справочным аппаратом, и даже... некоторого самоотречения, которое очень нелегко даётся молодому человеку – фамилия переводчика, как известно, пишется внизу, мелким шрифтом, и он очень зависим от автора произведения.

Участники сборника переводили, в основном, с английского языка. При переводе стихов, разумеется, старались соблюдать размер и способ рифмовки оригинала, если, конечно, оригинальные стихи были рифмованными. Кто-то выбрал строгие по форме, лаконичные, да ещё и смешные, и потому очень нелёгкие для перевода лимерики; кто-то предпочёл верлибр – свободный стих, который только кажется простым. Итак, переводчики – очень разные. Авторы – тоже. Диапазон широк: в стихах – от Шелли до Лорки и Огдена Нэша, в прозе – от Свифта до Брэдли. Не боялись замахнуться на произведения очень значительные, неоднократно переводившиеся самыми известными переводчиками, и такая смелость поощрялась. Конечно, ребятам ещё долго нужно «играть гаммы» (этим, кстати, должен периодически заниматься даже сформировавшийся профессионал, чтобы быть в форме). Но у любого переводчика есть заветное произведение, которое хочется перевести не ради заработка, не по долгу службы, а потому, что автор близок и интересен. В общем, мы тоже стремились решить почти невозможную задачу, которую вынужден решать каждый, кто берётся переводить – как можно меньше исказив оригинал, добиться при этом впечатления, что текст изначально был написан по-русски. И, на мой взгляд, среди текстов этого сборника есть и такие, которые можно рассматривать и оценивать не как ученические, без скидок на юный возраст.

Наши занятия переводом, скорее, напоминали семинары, чем уроки. «Это не уроки. Просто переводим», – сказал один из учеников. Насколько это «просто»? участники семинаров уже поняли, а как переводим – судить читателю этого сборника.

Вероника Капустина

Оглавление

Лимерики

There was a young lady of Crete (<i>Е. Терентьев</i>)	5
There was young person from Perth (<i>М. Быков</i>)	5
There was an old man in a barge (<i>Г. Путьра</i>)	5
There was an Old Man or Nepaul (<i>Е. Терентьев</i>)	6
There was an old man, who when little (<i>В. Аиичев</i>)	6
There was a Young Lady of Russia (<i>Е. Терентьев</i>)	6
There was a young lady of Niger (<i>В. Мецержаков, А. Гильденберг, Ф. Мартынюк, А. Гильденберг</i>)	7
There was an Old Man, on whose nose (<i>Е. Акинтьев, О. Карпуненков</i>)	8
There was an Old Person of Chester (<i>М. Быков</i>)	9
There was an old man of Toulouse (<i>М. Быков</i>)	9

Научно-технический перевод

The Magnetic Field of the Earth (<i>Е. Терентьев</i>)	10
Origin of life on earth (<i>О. Карпуненков</i>)	12
Electromagnetic radiation, Speed of light (<i>М. Быков</i>)	14
Early Calendars (<i>В. Гринева</i>)	16
SuperCroc (<i>А. Тимохин</i>)	18
The brake caliper (<i>А. Гильденберг</i>)	20

Художественная литература

Gulliver s Travels by Jonathan Swift (<i>А. Гильденберг</i>)	22
Oscar Wilde, The Nightingale and the Rose (<i>В. Аиичев</i>)	24
Mark Twain, History Repeats Itself (<i>Е. Терентьев</i>)	28
Lewis Carroll, Alice in Wonderland (<i>Г. Путьра</i>)	30
Ray Bradbury, The Murderer (<i>Д. Васько</i>)	32

Поэзия

Percy Bysshe Shelley, The waning moon (<i>А. Гильденберг</i>)	34
Carl Sandburg, Jazz Fantasia (<i>Д. Румянцев</i>)	35
Robert Frost, Dust of Snow (<i>В. Аиичев</i>)	36
Percy Bysshe Shelley, The waning moon (<i>А. Гильденберг</i>)	37
Edna St. Vincent Millay, My Candle (<i>В. Аиичев</i>)	38
Ogden Nash, The fly (<i>В. Аиичев</i>)	38
Ogden Nash, The fly (<i>В. Аиичев</i>)	38
Amy Lowell, Night clouds (<i>В. Аиичев</i>)	39
Carl Sandburg, I have thought of beaches (<i>В. Гринева</i>)	40
Robert Frost, The pasture (<i>Е. Акинтьев</i>)	41
Amy Lowell, Night clouds (<i>Д. Никодюк</i>)	42
The Germ (<i>И. Петруненко</i>)	43
Federico Garcia Lorka, Pueblo, La guitarra (<i>Г. Путьра</i>)	44

Песни

Sting, Fields of Gold (<i>В. Аиичев</i>)	46
Nirvana, Lake of fire (<i>О. Карпуненков</i>)	48
Leonard Cohen, Everybody knows (<i>Е. Терентьев</i>)	49

Лимерики

There was a young lady of Crete,
Who was so exceedingly neat,
When she got out of bed
She stood on her head,
To make sure of not soiling her feet

Одна девушка с острова Крит
Так боялась за свой внешний вид,
Что с кровати на пол она
Становилась на голову.
Вдруг подошвы ей пол загрязнит!

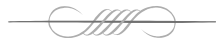
Е. Терентьев

There was young person from Perth
Who was born on the day of his birth
He was married, they say
On his wife's wedding day
And died when he quitted this earth.

Один молодой человек из Екабпилса
В свой день рожденья однажды родился
И женился он как бы
В день собственной свадьбы,
А умер, когда за ним ангел спустился...

М. Быков

There was an old man in a barge,
Whose nose was exceedingly large;
But in fishing by night, it supported a light,
Which helped that old man in a barge.

Одинокий старик, живший в лодке,
Нос имел далеко не короткий.
И, рыбака под вечер, на нос лампу он вешал,
Длинноносый старик, живший в лодке.

Г. Путра

There was an Old Man or Nepaul,
From his horse had a terrible fall;
But, though split quite in two,
With very strong glue,
They mended that Man of Nepaul.

Один мужичок в королевстве Непал
Неудачно с лошади однажды упал.
Раскололся на части –
Вот такое несчастье,
Но был склеен и вскоре езду продолжал.

Е. Терентьев

There was an old man, who when little
Fell casually into a kettle;
But, growing too stout,
He could never get out.
So he passed all his life in that kettle.

Озорной старикашка-начальник
Раз нечаянно бухнулся в чайник.
Вскоре стал он полнее.
Вылезать тяжелее.
Домом стал ему маленький чайник.

В. Аишчев

There was a Young Lady of Russia,
Who screamed so that no one could hush her;
Her screams were extreme,
No one heard such a scream
As was screamed by that Lady of Russia.

Эта юная леди в России
Так вопит, что заткнуть нету силы.
Её вопли и крики
Так неслышно дики,
Что так может лишь леди в России.

Е. Терентьев

There was a young lady of Niger,
 Who smiled as she rode on a tiger,
 They returned from the ride
 With the lady inside –
 And the smile on the face of the tiger!

Молодая девица из Ниццы
 Прокатилась, смеясь, на тигрице.
 Возвратилась домой,
 Но уже неживой.
 Вот такая девица в тигрице.

В. Мещеряков

Молодая красавица с Тигра
 Улыбалась, влезая на тигра.
 Но вернулась, смотри,
 У зверюги внутри!
 И улыбка на морде у тигра.

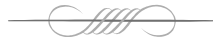
А. Гильденберг

В Нигерии девушка гибкая
 На тигре каталась с улыбкою.
 Однажды катались они до зари,
 И девушка вдруг оказались внутри.
 А тигра мордашка светилась улыбкою.

Ф. Мартынюк

Жил парнишка один в тех местах,
 Где не ведают, что значит страх.
 Он нашел как-то повод,
 Чтобы взяться за провод...
 Был рассеян тотчас его прах.

А. Гильденберг

There was an Old Man, on whose nose,
 Most birds of the air could repose;
 But they all flew away,
 At the closing of day,
 Which relieved that Old Man and his nose.

Жил да был старичок, его нос
 Много птиц на себе перенес.
 Они поздней порой
 Улетали домой.
 Отдыхал у несчастного нос.

Е. Акинтьев

Жил старик, чей крупнейший нос
 Для пристанища птиц был хорош.
 И они улетели
 Лишь в конце той недели,
 Облегчив бедный старческий нос.

О. Карпуненков

There was an Old Person of Chester,
Whom several small children did pester;
They threw some large stones,
Which broke most of his bones,
And displeased that old person of Chester.

Жил-был один человек на свете,
Которого мучили злобные дети.
Его закидали кучей камней,
Почти не оставив целых костей.
Вот так веселись суровые дети.

М. Быков

There was an old man of Toulouse
Who purchased a new pair of shoes;
When they asked, "Are they pleasant?"
He said, "Not at present"
That turbid old man of Toulouse.

Один старичок из столицы Бангкок
Купил себе пару новейших сапог.
А на вопрос: «Удобно ли в них?»
Отвечал, что покамест – удобств никаких...
Был уклончив хозяин новейших сапог.

М. Быков

Научно-технический перевод

The Magnetic Field of the Earth

The earth has a magnetic field similar to that produced by a bar magnet. Nearly everyone is familiar with the way iron filings align themselves along the lines of force that extend between the north and south poles of a magnet. Between the magnetic poles of the earth stretch lines of force along which compass needles align. The positions of the magnetic poles, and the orientations of the lines of magnetic force, gradually shift. During the periods of solar activity (Chapter 13), rapid short-period fluctuations in the earth's magnetic field also occur. The current position of the North Magnetic Pole is about 76° N latitude and 100° W longitude, which places it in Bathurst Island in northern Canada. The South Magnetic Pole is at latitude 66° S and longitude 139° E, just off the Adelie Coast of Antarctica.

The origin of the earth's magnetic field is believed to be in the earth's core. Fluid motions in the electrically conducting core are thought to cause it to act like a dynamo. The rotation of the earth causes the magnetic field to be aligned very roughly with the rotation axis. The energy source of this dynamo, however, is not yet known. The overall strength of the magnetism at the earth's surface is fairly weak. Moreover, as stated before, the magnetic poles are not fixed in location. Molten rocks containing iron compounds (as in volcanic lava) are weakly magnetized by the earth's field. When the rocks harden, the magnetic polarity is permanently frozen in them. We measure the strength and polarity of magnetism in rocks of different ages to trace the magnetic history of the earth and find that the earth's field has actually reversed polarity 171 times in the past 76 million years.

The magnetic field of the earth also extends into space around it, throughout a region called the *magnetosphere*. Magnetometers carried on artificial satellites measure the field strength in the magnetosphere, and, as expected from theory, we find that it weakens rapidly with increasing distance from the earth. Satellites have also detected a zone of rapidly moving charged particles high above the earth. This zone of radiation is called the *Van Allen layer*, in honor of the physicist James A. Van Allen (1914-), who designed the experiment that first detected it. It surrounds the earth, like a doughnut. The inner intense region is centered about 3000 km above the surface of the earth and has a thickness of 5000 km or more. The outer region of the Van Allen layer is about 15,000 to 20,000 km from the earth's surface and has a thickness of from 6000 to 10,000 km.

The electrically charged particles in the Van Allen radiation zone are trapped in the earth's magnetic field. Most of the fastest ones are electrons although the inner part of the Van Allen layer contains high-energy protons as well. The origin of the trapped particles is not known with certainty. It seems likely, however, that the outer region consists mostly of particles captured from the solar wind—that rain of electrons and atomic nuclei from the sun. It has been suggested that the protons and electrons in the inner region may be produced in interactions between molecules of the earth's atmosphere and cosmic rays.

Магнитное поле Земли

Земля имеет магнитное поле, очень схожее с полем, генерируемым магнитным бруском. Почти каждый из нас знаком с таким явлением, когда металлические опилки выстраиваются вдоль силовых линий, расположенных между северным и южным полюсами магнита. Между магнитными полюсами Земли растянуты силовые линии, вдоль которых выстраивается стрелка компаса. Положение магнитных полюсов и направление силовых линий магнитного поля постепенно изменяется. В периоды солнечной активности также встречаются небольшие, краткие по времени периоды флуктуаций магнитного поля Земли. На данный момент Северный магнитный полюс Земли расположен примерно на 76° С.Ш. и 100° З.Д.. Он расположен на острове Батурста в Северной Канаде. Южный магнитный полюс Земли расположен на 66° Ю.Ш. и 139° В.Д., на Берегу Адели в Антарктике.

Источником магнитного поля земли, как предполагают ученые, является ядро Земли. Движения в жидком электропроводящем ядре Земли заставляют его работать, как динамо-машину. Вращение Земли служит причиной того, что магнитное поле Земли выровнено грубо по ее оси. Энергетический источник появления этой динамо-машины, конечно, до конца непонятен. Суммарная сила магнитного поля на поверхности Земли довольно слаба. Более того, как уже говорилось, магнитные полюса не имеют четко фиксированного местоположения. Расплавленные горные породы, содержащие соединения железа (вулканическую лаву), слабо намагничены магнитным полем Земли. Когда горная порода застывает, магнитная поляризация сразу же «вмерзает» в нее. Мы измеряем силу и поляризацию магнитного поля в горных породах разных лет, чтобы проследить магнитную историю Земли и уже нашли, что магнитное поле Земли за последние 76 миллионов лет меняло поляриность 171 раз.

Магнитное поле Земли также продолжается в космосе вокруг Земли, распространяясь в так называемой магнитосфере. Магнетометры, установленные на искусственных спутниках, измеряют силу магнитного поля Земли в магнитосфере, и, подтверждая теоретическое исследование, магнитное поле быстро слабеет при удалении от Земли. Спутники также обнаружили зону быстро движущихся заряженных частиц высоко над Землей. Этот радиационный пояс получил название *слоя Ван Алена*, в честь физика Джеймса А. Ван Алена (1914-), который разработал эксперимент, позволивший обнаружить эту зону. Она окружает Землю, как бублик. Наиболее интенсивный район сосредоточен в 3000 километрах от поверхности Земли и достигает в толщину 5000 км или более. Внешний пояс интенсивности расположен на расстоянии от 15000 км до 20000 км от поверхности Земли и в толщину достигает 6000-10000 км.

Заряженные электрические частицы в радиационных поясах Ван Алена удерживаются магнитным полем Земли. Наиболее быстрые частицы – электроны, являющиеся частью наиболее интенсивной области слоя Ван Алена, содержат также высокоэнергичные протоны. Происхождение частиц, удерживаемых магнитным полем Земли, достоверно не известно. Похоже на то, что внешняя область состоит в основном из частиц, выхваченных из солнечного ветра – потока электронов и ядерных частиц, исходящего от Солнца. Высказывалось предположение, что протоны и электроны в области наибольшей интенсивности могли появиться вследствие взаимодействий между молекулами земной атмосферы и космическими лучами.

Е. Терентьев

Origin of life on earth

It seems almost miraculous to me that throughout most of the earth's history there has been life on it. Not very advanced life, to be sure; only in the past few hundred million years have there been complex animal forms, but at least single-cell blue-green bacteria (formerly called "blue-green algae") and similar organisms have been found in rocks as much as 3500 million years old. So far as we know, the earliest organisms required the existence of liquid water on earth to form, feed, and reproduce. Only on earth, of all known places, do we now find liquid water. On the other hand, under the present conditions on earth, we are not sure that life could have even begun.

There is controversy today over what the earth's primordial atmosphere was like. Had there been considerable concentrations of methane and ammonia, along with the expected carbon dioxide, nitrogen, and water vapor, we could understand how at least pre-biological organic molecules could have formed. Such a mixture, called a "soup" by biologists, has been irradiated with ultraviolet radiation (as in sunlight) and subjected to electrical sparks (as in lightning). In either case there results, in actual laboratory experiments, a large yield of such organic molecules as sugars and amino acids. It is not known whether all of those gases were present in the early atmosphere of the earth, but biologists concerned with the origin of life are conducting interesting studies to determine under what conditions the necessary building blocks for the simplest living cells can form.

It is still a long step from complex organic molecules to self-replicating DNA. Hence we cannot now say whether life as we know it was almost inevitable or whether it was a long shot. Anyway, it happened; then began the long road of biological evolution that took more than 2500 million years to produce animal organisms with different cells serving different functions, and more than another 1000 million years to produce the earliest manlike creature.

Today all of us, from the lowliest bacterium to the biggest elephant, are made of organic molecules of the same type and all based on the same genetic code. As Carl Sagan has put it, we are all closely related to the oak tree.

Происхождение жизни на Земле

Мне кажется чуть ли не сверхъестественным, что на протяжении большей части истории Земли на ней существовала жизнь. Не очень развитая жизнь, конечно; лишь в последние несколько сотен миллионов лет на Земле существовали сложные животные формы, но, по крайней мере, одноклеточная сине-зеленая бактерия (раньше называвшаяся сине-зеленой водорослью) и похожие организмы были найдены в породах, максимальный возраст которых 3500 млн. лет. Насколько нам известно, самым ранним организмам требовалось существование жидкой среды на Земле для формирования, питания и воспроизведения. Только на Земле, из всех известных планет, как мы знаем, нашлась вода. С другой стороны, мы не можем быть уверены, что жизнь зародилась бы в тех условиях, которые существуют на Земле сейчас.

Сейчас ведутся споры о том, на что была похожа изначальная земная атмосфера. Если бы там были высокие концентрации метана и аммония, а также ожидаемых углекислого газа, азота и водяного пара, было бы, по крайней мере, понятно, как могли сформироваться органические молекулы. На такую смесь, называемую «бульоном» биологами, действовали ультрафиолетовое излучение (солнечные лучи) и электрические разряды (молнии). В любом случае, в результате современных лабораторных опытов получается большой выход органических молекул, сахаров и аминокислот. Неизвестно, были ли все эти газы представлены в ранней атмосфере земли, но биологи, занимавшиеся происхождением жизни на Земле, ведут интереснейшие исследования, чтобы определить, какие условия необходимы для построения блоков, которые формируют простейшие живые клетки.

Очень далеко от сложных органических молекул до репродуктивных ДНК. Поэтому мы не можем сказать сейчас, была ли жизнь, какой мы её знаем, почти неизбежной, или её возникновение – случайность. В любом случае, жизнь возникла; затем начался длинный путь биологической эволюции. Потребовалось более, чем 2500 млн. лет, чтобы получились животные организмы с различными видами клеток, отвечающими за различные функции, и ещё более 1000 млн. лет, чтобы создать первейшее человекоподобное существо.

Сегодня все мы, от простейших бактерий до гигантских слонов, состоим из органических молекул одного типа, и в основе нашего существования – один и тот же генетический код. Как Карл Саган выразился, мы все – ближайшие родственники дуба.

О. Карпуненков

Electromagnetic radiation

Newton unified science in 1687, and his theories of mechanics and gravitation dominated scientific thought for nearly two centuries. But by the middle of the 19th century, a new branch of physics was forming — the study of electricity and magnetism. The unifier of this new science was the Scots physicist James Clerk Maxwell (1831-1879) who showed that electricity and magnetism are different manifestations of the same thing. In the vicinity of an electric charge, another charge feels a force of attraction or repulsion, depending on whether the two charges have the opposite or the same sign, respectively. But in the vicinity of a *moving* charge, another charge is acted on by a *magnetic* force. Maxwell spoke of an *electric field* around a static charge and a *magnetic field* around a moving charge (as in an electric current).

Maxwell's theory of electromagnetism was codified in 1873 in his four famous equations, which describe electric and magnetic fields and also how a change in one always induces a change in the other. If a charge moves back and forth, for example, as in an alternating current, the magnetic field set up is continually breaking down and re-forming with the opposite polarity. These changes in the magnetic field induce a constantly changing electric field, which in turn induces a changing magnetic field, and so on. These rapidly alternating fields are in the form of a disturbance that propagates away from the moving charge. Maxwell's equations also predict that this disturbance should move with a very definite speed, equal to the ratio of the electromagnetic and electrostatic units of electricity. Maxwell recognized that this speed is remarkably similar to the speed that had been measured for light, and he suggested that light must be one form of this electromagnetic radiation. He even suspected that there were other forms of electromagnetic radiation, and of course he was right, but it was more than 20 years before radio waves were generated for the first time by the German physicist Heinrich Hertz.

The speed of light

Long before Maxwell's time it was known that light travels with a finite speed, and this speed had even been rather accurately measured. The speed of light is found by measuring the time required for it to travel an accurately known distance.

Galileo suggested a way to measure the speed of light with two experimenters, separated by a mile or more and each equipped with a lantern that can be covered. The first opens his lantern, and the second, on seeing the light from the first, uncovers his. The time that elapses between the time that the first experimenter opens his lantern and the time that he sees the light of his associate's lantern, after correction for the human reaction time, is how long light spends making the round trip. It is not clear whether Galileo actually conducted this experiment, but he correctly concluded that the speed of light is too great to be measured by so crude a technique.

Электромагнитное излучение

Ньютон унифицировал науку в 1687 году, и его теории механики и гравитации доминировали над остальными научными представлениями около двух столетий. Но в середине 19 века начал формироваться новый раздел физики – наука об электричестве и магнетизме. Отцом этой новой науки был шотландский физик Джеймс Клерк Максвелл (1831-1879), который показал, что электричество и магнетизм – разные проявления одного и того же. Вблизи электрического заряда другой заряд находится под воздействием силы притяжения или отталкивания в зависимости от того, имеют ли эти заряды одинаковые или противоположные знаки соответственно. Но со стороны движущегося заряда на другой заряд воздействовала магнитная сила. Максвелл говорил об электрическом поле статического заряда и о магнитном поле движущегося заряда (как в электрическом токе).

Теория Максвелла об электромагнетизме была систематизирована в 1873 в его четыре знаменитые уравнения, которые описывают электрическое и магнитное поле, и показывают, как изменение в одном обязательно приведет к изменениям в другом. Если, например, заряд движется вперед и назад, как в переменном токе, магнитное поле начинает постоянно разрушаться и восстанавливаться с обратной полярностью. Эти изменения в магнитном поле приводят к постоянным изменениям в электрическом поле, которые, в свою очередь, приводят к возникновению изменяющегося магнитного поля и т.д.

Эти быстро чередующиеся поля существуют в форме колебаний, которые распространяются от движущегося заряда. Уравнения Максвелла также предполагают, что эти колебания должны двигаться со строго определенной скоростью, равной отношению электромагнитной к электростатической составляющих электричества. Максвелл признал, что эта скорость в высшей степени схожа со скоростью, которая была рассчитана для света, и он предположил, что свет, должно быть, одна из форм электромагнитного излучения. Он даже подозревал, что были еще и другие формы электромагнитного излучения и, конечно, был прав. Но это было еще за 20 лет до того, как немецкий физик Генрих Герц впервые изобрел аппарат, излучающий радиоволны.

Скорость света

Еще задолго до времен Максвелла было известно, что свет передвигается с определенной скоростью, и эта скорость однажды была точно измерена. Скорость света была определена путем измерения времени, за которое свет проходил точно известное расстояние. Галилей предлагал способ измерения скорости света опытом с двумя экспериментаторами, находящимися в двух разных пунктах, разделенных милями или больше, и каждый был снабжен источником света, который мог быть включен или выключен. На первом пункте включался источник света и, когда на втором пункте свет из первого был виден, включался второй. Время, которое прошло с момента, когда первый экспериментатор включил свой источник света, до того момента, когда он увидел свет от источника своего партнера, рассчитанное с учетом времени реакции человека, было определено как время, за которое свет прошел расстояние туда и обратно. Не ясно, руководил ли Галилей этим экспериментом или нет, но он сделал точное заключение о том, что скорость света слишком велика для измерения ее неточными приборами и примитивными методами.

М.Быков

Early Calendars

Even in the earliest cultures man was concerned with the keeping of time and the calendar. Particularly interesting are monuments left by Bronze Age people in northwestern Europe, especially in the British Isles. The best preserved of the monuments is Stonehenge, about 13 km from Salisbury in southwest England. It is a complex array of stones, ditches, and holes arranged in concentric circles. Carbon dating and other studies show that Stonehenge was built during three periods ranging from about 2500 B.C. to about 1700 B.C. Some of the stones are aligned with the directions of the sun and moon during their risings and settings at critical times of the year (such as the beginnings of summer and winter), and it is generally believed that at least one function of the monument was connected with the keeping of a calendar.

The Maya in Central America are also known to have been concerned with the keeping of time. The Mayan calendar was more sophisticated and complicated than calendars in use in Europe. Apparently, the Maya did not attempt to correlate their calendar accurately with the length of the year or lunar month. Rather, their calendar was a system for keeping track of the passage of days and for counting time far into the past or future. Among other purposes, their calendar was useful for predicting astronomical events—for example, the positions of Venus in the sky.

Our calendar derives from the Greek and Roman calendars dating from at least the 8th century B.C. They led, eventually, to the Julian calendar, introduced in 46 B.C. which approximated the tropical year by 365.25 days, fairly close to the actual value of 365.242199 mean solar days. Julius Caesar, acting on the advice of the astronomer Sosigenes, achieved his approximation by declaring years to have 365 days each, with the exception of every fourth year. The leap year, which was to have one extra day, bringing its length to 366 days, thus brought the average length of the calendar year to 365.25 days.

Even the Julian calendar, however, differs from the tropical year by $11^m 14^s$, an amount that accumulates over the centuries to an appreciable error.

The dates of important religious holidays had been fixed by the Council of Nicaea in 325 A.D. These holidays were based on the beginnings of certain seasons. For example, Easter, according to the rule adopted, falls on the first Sunday after the 14th day of the moon (almost full moon) that occurs on or after March 21. At that time March 21 was the date of the vernal equinox. (The Sunday *after* full moon was specified intentionally to avoid the possibility of an occasional coincidence with the Jewish Passover.)

Now, between 45 B.C. and 325 A.D. the date of the vernal equinox had slipped back from March 25 to March 21. This was because the Julian year, with an average length of 365 $\frac{1}{4}$ days, is $11^m 14^s$ longer than the tropical year of 365 $^d 5^h 48^m 46^s$. The slight discrepancy had accumulated to just over 3 days in those 4 centuries.

Ранние календари

Даже в древнейших культурах человек сталкивался с времяисчислением и календарём. Чрезвычайно интересные памятники, оставленные в Бронзовом веке людьми, населявшими северо-запад Европы, особенно Британские острова. Лучшее из всех памятников сохранился Стоунхэндж, расположенный в 13 км от Солсбери в юго-восточной части Англии. Это множество камней, котлованов и ям, расположенных концентрическими кругами. Датирование по углероду и другие исследования показали, что Стоунхэндж был построен во времена трёх эпох, в пределах от 2500 до н.э. и до 1700 до н.э. Некоторые из камней ориентированы в направлении движения Солнца и Луны во время их восходов и заходов в критические времена года (такие как начало лета и зимы), и совершенно ясно, что по крайней мере одна функция этого памятника была связана с ведением календаря.

В Центральной Америке Майя известны своей связью со временем. Календарь Майя был более замысловатым и запутанным, чем календари в Европе. Очевидно, Майя не связывали свой календарь непосредственно с продолжительностью года или лунного месяца. Скорее, их календарь был системой сохранения следов прохождения дней и исчисления времени в далёком прошлом или будущем. В числе других назначений их календарь использовался для предсказания астрономических событий — к примеру, позиций Венеры на небе.

Наш календарь произошёл от Греческого и Римского календарей, датированных по меньшей мере VIII веком до н.э. Они ведут, в конечном счёте, к Юлианскому календарю, внедрённому в 46 году до н.э., который приближен к тропическому году — 365.25 дней, очень близким к фактическому значению — 365.242199, в астрономических сутках. Юлий Цезарь, последовав совету астронома Созигена, выполнил приближение, считая, что в каждом году 365 дней, за исключением каждого четвёртого года: это високосный год, в котором будет один дополнительный день, удлиняющий его до 366 дней. Таким образом, средняя длина календарного года — 365.25 дней.

Но даже Юлианский год отличается, всё-таки, от Тропического на 11 минут 14 секунд — величину, накапливающуюся в течение веков в ощутимую ошибку.

Даты важных религиозных праздников были зафиксированы Никейским Собором в 325 году н.э. Эти даты связаны с началом конкретных сезонов. Например, Пасха, в соответствии с установленными правилами, наступает в первое воскресенье после полнолуния, которое наступает 21 или после 21 марта. 21 марта — день весеннего равноденствия. (Воскресенье *после* полнолуния точно определено намеренно, чтобы обойти возможность редко, но случающегося совпадения с Еврейской Пасхой).

Сейчас, между 45 годом до н.э. и 325 н.э. день весеннего равноденствия переместился обратно с 25 марта на 21-е. Это произошло потому что Юлианский год, со средней длиной в 365 $\frac{1}{4}$ дней, на 11 минут 14 секунд длиннее Тропического года, продолжительность которого из 365 дней 5 часов 48 минут 46 секунд. Небольшое расхождение достигло уже более трёх дней за эти четыре века.

В.Гринева

«SuperCroc», National Geographic, December 2001 by Paul Sereno

We had never seen anything like it. With brushes and awls we teased away the rock encasing its fossilized jaws. They were huge, each about as long as an adult human. Yet the animal that had once wielded these jaws was not a dinosaur. It was a colossal crocodilian.

We had come to hunt dinosaur bones in the Sahara's legendary fossil graveyard, a remote windswept stretch of rock and dunes called Gadoufaoua. In Tamashek, the language of the desert's Tuareg people, Gadoufaoua means "the place where camels fear to tread." For fossil hunters it means paradise—the richest dinosaur beds on the African continent. Now less than an hour into our four-month expedition we were face-to-face with an ancient croc that could have

posed a serious threat to any dinosaur within reach.

This croc wasn't new to science. Some of its conical teeth, vertebrae, and foot-long armor plates, or scutes, were first discovered by French paleontologist Albert-Felix de Lapparent. In 1966 his niece France de Broin and fellow paleontologist Philippe Taquet named the creature *Sarcosuchus imperator*, the "flesh crocodile emperor."

We called it *SuperCroc*. And we were hoping to answer some lingering questions about this little-described giant.

Expedition 2000, funded in part by the Society's Expeditions Council and its Committee for Research and Exploration, was my fourth to the Sahara, and it was no holiday in the sand. We had to transport trucks, tools, tents, five tons of plaster, 600 pounds of pasta, 4,000 gallons of water, and four months' worth of other supplies into the heart of the world's largest desert. Truck-engulfing sand, a trucker strike, and gas shortages cost precious time. But when, on August 30, we finally reached the first of our four camp locations, we struck it fossil rich right from the start.

"The backbone!" shouted David Blackburn, a student from the University of Chicago. Trenching around a large *Sarcosuchus* skull, he discovered a series of vertebrae snaking into sediments laid down by a river some 110 million years ago. Undeterred by the blistering heat, he and other members of my 16-person crew were closing in on beautifully preserved pieces of *SuperCroc's* skeleton.

"Gorgeous armor," mused paleontologist Hans Larsson, examining a stack of foot-long bony scutes that looked like roofing tiles. These would have provided an impermeable shield over *SuperCroc's* neck, back, and tail. Throughout their evolution all crocs have sported this body armor. It's *SuperCroc's* skull that's unparalleled.

More than a hundred teeth jut from narrow jaws that must have been adept at snagging fish. And unlike any other croc, living or extinct, *SuperCroc's* skull gets wider toward the front end, which is armed with a deadly row of enlarged incisors. These robust bone-crushers suggest that *Sarcosuchus* could eat far meatier prey than fish.

The swollen end of the snout houses an enormous cavity under the nostrils, meaning this croc may have had an enhanced sense of smell and a most unusual call. Its eye sockets project upward—like those of the living gharial in India—for scanning the river's edge while submerged. *SuperCroc's* skull, then, is like a cross between the elongate skull of a fish-eating gharial and the robust skull of a bloodthirsty Nile crocodile.

With the discovery on this expedition of several skulls, vertebrae, scutes, limb bones, and other assorted bits, we have amassed about 50 percent of *SuperCroc's* skeleton, enough to commission a life-size model. Our most complete skull is just shy of six feet. After measuring the bones and comparing them with those of modern crocs, we estimate that a mature adult *Sarcosuchus* grew to about 40 feet long. Its weight? As much as ten tons. Among the very largest crocs that ever lived, *Sarcosuchus* sprouted from a side branch of the crocodilian family tree separate from that leading to modern crocodiles.

Dwarf crocs we discovered living alongside *Sarcosuchus* represent other lineages that have come and gone. Extinction has trimmed the largest and smallest of the croc family. Yet unlike dinosaurs, crocs today are much as they were more than a hundred million years ago—masters at ambushing prey and one of Earth's most persistent survivors.

Суперкрокодил

Мы никогда не видели ничего подобного. С помощью щетки и тонкого стержня мы очистили от камня его окаменевшие челюсти. Они оказались огромными, каждая примерно размером с взрослого человека. Однако животное, обладавшее этими челюстями, не являлось динозавром. Это был колоссальных размеров крокодил.

Мы приехали, чтобы поискать кости динозавров на легендарном кладбище ископаемых животных в Сахаре, отдаленном и не защищенном от ветра участке скал и дюн, именуемом Гадуафуа. На Тамашеке, языке Туарегов, живущих в пустыне Гадуафуа, это значит: «там, где верблюды боятся ходить». Для охотников за ископаемыми это райское место – богатейшая усыпальница динозавров на всем африканском континенте. Еще через час в нашей четырехмесячной экспедиции и мы оказались лицом к лицу с древним крокодилом, который мог представлять серьезную угрозу для любого динозавра в пределах досягаемости.

Этот крокодил известен науке. Некоторые из его конических зубов, позвоночник и защитные пластины не меньше чем фут длиной, или щиты, впервые были обнаружены французским палеонтологом Альбертом-Феликсом де Лапарентом. В 1966 году его племянница Франс де Брион и коллега палеонтолог Филипп Тагет назвали это существо *Sarcosuchus imperator*, «император плотоядных крокодилов».

Мы назвали его Суперкрокодил. И мы надеялись найти ответ на мучающие нас вопросы об этом малоизвестном гиганте.

Экспедиция-2000, профинансированная Обществом Советом научного общества по экспериментам и его Комитетом по Исследованиям, была моей четвертой поездкой в Сахару, и это оказалась далеко не прогулка по пескам. Мы должны были перевезти грузовики, инструменты, палатки, пять тонн гипса, 600 фунтов провианта, 4000 галлонов пресной воды и другой провизии на четыре месяца в сердце самой большой в мире пустыни. Застреление грузовиков в песке, забастовка водителей, нехватка горючего – все это стоило драгоценного времени. Но когда 30 августа мы все-таки достигли места нашего первого лагеря, то попали в точку с первого раза.

«Позвоночник!» – закричал Девид Блекберн, студент Чикагского университета. Окопав огромный череп *Sarcosuchus*, он обнаружил ряд позвонков, осевших на дно реки примерно 110 миллионов лет назад. Не остановленные обжигающей кожу жарой, он и другие члены моей группы из 16 человек в конце концов обнаружили прекрасно сохранившиеся части скелета Суперкрокодила.

«Великолепная броня», – объявил палеонтолог Ганс Ларссон, рассматривая грудку костяных щитков, похожих на черепицу. Они должны были защищать непроницаемую шею, спину и хвост Суперкрокодила. На протяжении всей эволюции крокодилы носили эту непроницаемую броню. Но череп Суперкрокодила не имеет себе равного.

Более ста зубов выступают из узких челюстей, они были предназначены для ловли рыбы. В отличие от любого другого крокодила, живущего сейчас или вымершего, Суперкрокодил имеет череп, расширяющийся в своей передней части, который вооружен смертоносными зубами и увеличенными резцами. Эти здоровенные костедробилки свидетельствуют о том, что *Sarcosuchus* мог питаться более мясистой пищей, нежели рыба.

Раздутая на конце морды впадина под ноздрями означает, что этот крокодил мог иметь красное обоняние и еще более необычный рев. Его глазные впадины направлены вверх – как у живущих в Индии гангских крокодилов – для наблюдения за поверхностью воды. Череп Суперкрокодила – это что-то среднее между черепами крокодилов, питающихся рыбой, как гангские, и кровожадными нильскими крокодилами.

Обнаружив в этой экспедиции несколько черепов, позвоночник, щитков, костей лап и других разрозненных фрагментов костей, мы получаем примерно 50 процентов от скелета Суперкрокодила, этого достаточно, чтобы составить модель животного в полном размере. Наш наиболее полный – череп это всего лишь осторожный набросок из шести кусков. После измерения костей и сопоставления их с костями современного крокодила мы приходим к выводу, что взрослая особь *Sarcosuchus* достигает 40 футов длиной. Его вес? Примерно десять тонн. Из числа самых больших крокодилов, которые когда-либо жили, *Sarcosuchus* относится к боковой ветви семейства крокодилов, обособившейся от той, что привела к крокодилам, живущим ныне.

Карликовые крокодилы, которых мы обнаружили рядом с *Sarcosuchus*, представляют другую ветвь, которая некогда возникла, но вскоре угасла. Естественный отбор отсекал самых больших и самых маленьких по размеру крокодилов. Однако, в отличие от динозавров, крокодилы, так же как и сотни миллионов лет назад, мастера ловли добычи из засады, самые упорные из оставшиеся в живых.

А. Тимохин

The brake caliper

Racing on a circuit such as Monza, in Italy, drivers regularly brake from more than 350km/h to less than 100km/h. That demands world-class engineering such as that embodied in the Team McLaren Mercedes brake caliper.

The caliper is located on the car's upright assembly, which is buried inside each wheel, and its primary function is to apply pressure to the brake pads, forcing them into contact with the brake disc.

“When the brake pedal is pressed by the driver,” explains Head of Race Engineering Steve Hallam, “it applies hydraulic pressure, via a master cylinder, into the caliper. This forces the caliper's six pistons [which sit in the round holes within the inner surface] out of the caliper, squeezing the two brake pads against the disc and thus slowing the car. When the driver relaxes his foot from the pedal, the pressure on the hydraulic system is released and the caliper and pads relax, freeing the car to accelerate when the driver applies the throttle.”

There are, of course, four brake calipers on the car – one at each corner. The rear calipers are slightly smaller than the front ones because the car's braking distribution is biased towards the front, as Hallam explains. “When a car brakes, it transfers weight onto the front axle and therefore the front wheels have more capacity to brake – and, because it's transferring weight onto the front axle, it's transferring weight off the rear axle, so the rear wheels have less capacity to brake compared with the front ones.”

A different brake specification can be used for circuits where heavier braking is required such as Montreal, in Canada, and Monza. This will have been planned for over the winter. Apart from that, the design doesn't change much from year to year. It's more a case of reducing weight by a few grammes than of making huge technological leaps.

In terms of design requirements, the caliper has to be light and stiff – as does any racing car component. If the caliper were flexible, the driver would experience a ‘spongy’ brake pedal – which is the last thing he wants at more than 300km/h. The caliper also has to be very durable. Friction between the pad and disc can generate temperatures of 1,000 degrees Celsius.

Operating in this harsh environment of high temperatures, and being subject to massive mechanical forces, the caliper requires cooling while in operation. Consequently, it needs to be fed with air from the brake duct (which directs air onto the brakes to cool them) and there are cooling fins on the caliper's side, helping to keep the temperatures under control while the car is out on the track.

Of course, it's not only racing cars that need to stop when the heat is on. Perhaps surprisingly, road car brake calipers are recognisably similar to the Formula 1 variety. Hallam explains that the caliper on a small road car might contain only one piston, or one pair of pistons, whereas a top-end car such as the Mercedes-Benz SLR McLaren will have a larger caliper.

“You'd be able to put the three calipers side by side and recognise them as one and the same thing,” Hallam says. The main difference, then, is that the road car doesn't have to decelerate by 250km/h in just a few metres, for the racing car alone enjoys the exhilaration of braking at Monza.

TECHNICAL SPECIFICATION

DIMENSIONS: Width 255mm, depth 170mm, height 60mm, weight 1,570g

MATERIAL: Aluminium alloy

NUMBER USED PER SEASON: 50-60

Суппорт дискового тормоза

В течение гонок на таких автодромах, как Монца в Италии, пилоты регулярно тормозят с более чем 350 км/ч до 100 км/ч и меньше. Это требует применения первоклассных технологий, таких как те, что воплощены в тормозном суппорте Team McLaren Mercedes.

Суппорт расположен на ступице, находящейся внутри каждого колеса. Его основная функция состоит в том, чтобы передавать давление на тормозные колодки и прижимать их к диску.

«Когда пилот нажимает на педаль тормоза, – объясняет Стив Хэллам, руководитель гоночного инженерного отдела, – давление гидравлики через главный тормозной цилиндр передается в суппорт. Оно вытесняет из суппорта шесть поршней (находящихся в круглых отверстиях на его внутренней поверхности), которые прижимают тормозные колодки к диску, таким образом замедляя машину. Когда пилот снимает ногу с педали, давление в тормозной системе ослабевает, и суппорт распускает колодки, позволяя машине разогнаться, если водитель открывает дроссель.

Разумеется, на машине стоит четыре суппорта, по одному на каждом колесе. Задние немного меньше передних, потому что тормозное усилие распределяется в большей степени на передние колеса. Хэллам объясняет: «Когда машина тормозит, загруженной оказывается передняя ось, поэтому передние колеса тормозят эффективнее задних. Ведь если большая часть веса машины приходится на переднюю ось, значит, задняя разгружена». Для таких трасс, как канадский Монреаль или Монца, где нужно тормозить более интенсивно, для тормозов подбираются специальные настройки. Их подбирают ещё в течение зимы. Но, несмотря на все различия, конструкция суппорта из года в год почти не меняется. Все изменения сводятся к снижению веса на несколько граммов, а не к какому-нибудь технологическому прорыву.

Тормозной суппорт должен быть легким и жестким, как любая деталь спортивной машины. Ведь если бы он не был жестким достаточно, гонщик бы чувствовал «ватную» педаль тормоза, а это именно то, чего ему меньше всего хочется на скорости свыше 300 км/ч. Еще суппорт должен быть очень надежным: от трения между диском и колодками температура поднимается до 1000 °C.

Конечно, работающему в суровых условиях высокой температуры и подвергающемуся сильным механическим нагрузкам суппорту необходимо охлаждение. Следовательно, он должен обдуваться воздухом из вентиляционного канала, который направляет воздушный поток на тормоз, чтобы охлаждать его. Кроме того, по бокам суппорта есть маленькие радиаторные пластины, помогающие держать температуру под контролем в течение всей гонки.

Конечно, не только гоночным машинам нужно останавливаться в условиях повышенной температуры. Удивительно, но тормозные суппорты дорожных автомобилей очень похожи на те, что ставятся на машины Формулы 1. Хэллам объясняет, что суппорты обычных небольших автомобилей имеют один или пару поршней, тогда как у суперкара вроде Mercedes-Benz SLR McLaren суппорт заметно больше.

«Вы можете положить рядом три разных суппорта и решить, что это одна и та же деталь», – говорит Хэллам. Основная разница в том, что дорожной машине не нужно снижать скорость на 250 км/ч на расстоянии всего в несколько метров, а гоночный болид на Монце делает это играючи.

Технические характеристики:

Размеры: 255*170*60 мм

Масса: 1.570 г.

Материал: алюминиевый сплав.

Используется за сезон: 50-60 штук.

Художественная литература

Gulliver's Travels into Several Remote Nations of the World by Jonathan Swift

Part IV - A voyage to the country of the Houyhnhnms

Chapter VIII (extract)

By what I could discover, the Yahoos appear to be the most unteachable of all animals: their capacity never reaching higher than to draw or carry burdens. Yet I am of opinion, this defect arises chiefly from a perverse, restive disposition; for they are cunning, malicious, treacherous, and revengeful. They are strong and hardy, but of a cowardly spirit, and, by consequence, insolent, abject, and cruel. It is observed, that the red haired of both sexes are more libidinous and mischievous than the rest, whom yet they much exceed in strength and activity.

The Houyhnhnms keep the Yahoos for present use in huts not far from the house; but the rest are sent abroad to certain fields, where they dig up roots, eat several kinds of herbs, and search about for carrion, or sometimes catch weasels and luhimuhs (a sort of wild rat), which they greedily devour. Nature has taught them to dig deep holes with their nails on the side of a rising ground, wherein they lie by themselves; only the kennels of the females are larger, sufficient to hold two or three cubs.

They swim from their infancy like frogs, and are able to continue long under water, where they often take fish, which the females carry home to their young. And, upon this occasion, I hope the reader will pardon my relating an odd adventure.

Being one day abroad with my protector the sorrel nag, and the weather exceeding hot, I entreated him to let me bathe in a river that was near. He consented, and I immediately stripped myself stark naked, and went down softly into the stream. It happened that a young female Yahoo, standing behind a bank, saw the whole proceeding, and inflamed by desire, as the nag and I conjectured, came running with all speed, and leaped into the water, within five yards of the place where I bathed. I was never in my life so terribly frightened. The nag was grazing at some distance, not suspecting any harm. She embraced me after a most fulsome manner. I roared as loud as I could, and the nag came galloping towards me, whereupon she quitted her grasp, with the utmost reluctance, and leaped upon the opposite bank, where she stood gazing and howling all the time I was putting on my clothes.

This was a matter of diversion to my master and his family, as well as of mortification to myself. For now I could no longer deny that I was a real Yahoo in every limb and feature, since the females had a natural propensity to me, as one of their own species. Neither was the hair of this brute of a red colour (which might have been some excuse for an appetite a little irregular), but black as a sloe, and her countenance did not make an appearance altogether so hideous as the rest of her kind; for I think she could not be above eleven years old.

А. Гильденберг

Дж. Свифт,

Путешествие в страну Гуингмов (фрагмент)

Я обнаружил, что Йахуу – наименее обучаемые из всех известных мне животных: их умственные способности не годятся для чего-то большего, чем переноска грузов. Более того, я полагаю, что этот недостаток является результатом их неправильного, своенравного поведения, ибо они коварны, злобны, вероломны и мстительны. Они сильны и выносливы, но трусливы и нередко наглы, подлы и жестоки. Замечено, что рыжие Йахуу обоих полов похотливее и непослушнее остальных, которых они в силе и выносливости превосходят тоже.

Гуингмы держат используемых в хозяйстве Йахуу недалеко от дома, в хлевах. Остальных они отправляют на поля, где те выкапывают корни и собирают отбросы, едят некоторые виды трав, а иногда ловят лухимусов (вид дикой крысы) и даже ласок и с жадностью их пожирают. Природа научила их копать при помощи ногтей глубокие норы на склонах холмов; там Йахуу отдыхают. Норы самок больше и способны вмещать двух-трех детенышей.

Йахуу с детства плавают как лягушки и способны долгое время оставаться под водой, где они часто добывают рыбу, которую самки относят домой своим детенышам. В связи с этим, я надеюсь, читатель простит мне отступление – рассказ об одном необычном приключении.

Однажды мы с моим покровителем, пожилым гнедым конем, были за городом. Становилось очень жарко, и я попросил его разрешить мне искупаться в реке, что была неподалеку. Он согласился, и я тотчас же разделся догола и неторопливо вошел в воду. Случилось так, что весь этот процесс видела молодая самка Йахуу, стоявшая недалеко от берега. Полная сладострастия, как мы с конем потом предположили, она побежала к реке и прыгнула в воду в пяти ярдах от того места, где я купался. Ещё никогда в жизни я не был так сильно напуган. А конь пасся неподалеку, не подозревая ничего плохого. Она обняла меня сзади самым бесстыдным образом. Я заорал так громко, как только мог, и мой покровитель поскакал ко мне на выручку. Тогда она с величайшей неохотой освободила меня из объятий и выскочила на противоположенный берег, где и оставалась, пляясь и стелая, пока я одевался.

Это происшествие стало не только причиной веселья для моего хозяина и его семьи, но и унижением для меня. Стало невозможным и дальше отрицать, что я самый настоящий Йахуу по всем морфологическим признакам и особенностям, если самка имела природное влечение ко мне, как одному из своих сородичей. К тому же шерсть этого животного была не рыжей (это могло бы быть некоторым оправданием не вполне обычного полового влечения), а черной как смоль, и она не производила такого отвратительного впечатления, как остальные Йахуу; я думаю, ей было не больше одиннадцати лет.

А. Гильденберг

Oscar Wilde

The Nightingale and the Rose

“She said that she would dance with me if I brought her red rose”, cried the young Student; “but in all my garden there is no red rose”.

From her nest in the holm-oak tree the Nightingale heard him, and she looked out through the leaves, and wondered.

“No red rose in all my garden!” he cried, and his beautiful eyes filled with tears. “Ah, on what little things does happiness depend I have read all the wise men have written, and all the secrets of philosophy are mine, yet for want of a red rose is my life made wretched”.

“Here at last is a true lover”, said the Nightingale. “Night after night have I sung of him, though I knew him not: night after night have I told his story to the stars, and now I see him. His hair is dark as the hyacinth-blossom, and his lips are red as the rose of his desire; but passion has made his face like pale ivory, and sorrow has set her seal upon his brow”.

“The Prince gives a ball tomorrow night”, murmured the young Student, “and my love will be of company. If I bring her a red rose she will dance with me till dawn. If I bring her a red rose, I shall hold her in my arms, and she will lean her head upon my shoulder, and her hand will be clasped in mine. But there is no red rose in my garden, so I shall sit lonely, and she will pass me by. She will have no heed of me, and my heart will break”.

“Here indeed is the true lover”, said the Nightingale. “What I sing of, he suffers: what is joy to me to him is pain. Surely Love is wonderful thing. It is more precious than emeralds, and dearer than opal. Pearls and pomegranates cannot buy it, nor is it set forth in the market-place. It may not be purchased of the merchants, nor can it be weighed out in the balance for gold”.

“The musicians will sit in their gallery”, said the young Student, “and play upon their stringed instruments, and my love will dance to the sound of harp and the violin. She will dance so lightly that her feet will not touch the floor, and the courtiers in their gay dress, for I have no red rose to give her”; and he flung himself down on the grass, and buried his face in his hands, and wept.

“Why is he weeping?” asked a little Green Lizard, as he ran past him with his tail in the air.

“Why, indeed?” said a Butterfly, who was fluttering about after a sunbeam.

“Why, indeed?” whispered a Daisy to his neighbor, in a soft, low voice.

“He is weeping for a red rose”, said the Nightingale.

“For a red rose!” they cried; “how very ridiculous!” and the Little Lizard, who was something of a cynic, laughed outright.

But the Nightingale understood the secret of Student's sorrow, and she sat silent in the oak-tree, and thought about mystery of Love.

Suddenly she spread her brown wings for flight, and soared into the air. She passed through the grove like a shadow, and like a shadow she sailed across the garden.

In the center of the grass-plot was standing a beautiful Rose-tree, and when she saw it she flew over to it, and lit upon the spray.

“Give me a red rose”, she cried, “and I will sing you my sweetest song”.

But the Tree shook its head.

“My roses are white”, it answered; “as white as the foam of the sea, and whiter than the snow upon the mountain. But go to my brother who grows round the old sun-dial, and perhaps he will give you what you want”.

So the Nightingale flew over to the Rose-tree that was growing round the old sun-dial.

“Give me a red rose”, she cried, “and I will sing you my sweetest song”.

But the Tree shook its head.

“My roses are yellow”, it answered; “as yellow as the hair of the mermaid who sits upon the amber throne, and yellower than the daffodil that blooms in the meadow before the mower comes with his scythe. But go to my brother who grows beneath the Student's window, and perhaps he will give you what you want”.

So the Nightingale flew over to the Rose-tree that was growing beneath the Student's window.

“Give me a red rose”, she cried, “and I will sing you my sweetest song”.

But the Tree shook its head.

“My roses are red”, it answered, “as red as the feet of the dove, and redder than the great fans of coral that wave and wave in the ocean-cavern. But the winter has chilled my veins, and the frost has nipped my buds, and the storm has broken my branches, and I shall have no roses at all this year”.

“One red rose is all I want”, cried the Nightingale, “only one red rose! Is there no way by which I can get it?”

“There is a way”, answered the Tree; “but it is so terrible that I dare not tell it to you”.

“Tell it to me”, said the Nightingale, “I am not afraid”.

“If you want a red rose”, said the Tree, “you must build in out of music by moonlight, and stain it with your own heart's-blood. You must sing to me with your breast against a thorn. All night long you must sing to me, and the thorn must pierce your heart, and your life-blood must flow into my veins, and become mine”.

“Death is a great price to pay for a red rose”, cried the Nightingale, “and Life is very dear to all. It is pleasant to sit in the green wood, and to watch the Sun in his chariot of gold, and the moon in her chariot of pearl. Sweet is the scent of the hawthorn, and sweet are the blue-bells that hide in valley, and the heather that blows on the hill. Yet Love is better than Life, and what is the heart of a bird compared to the heart of a man?”

So she spread her brown wings for flight, and soared into the air. She swept over the garden like a shadow, and like a shadow she sailed through the grove.

The young Student was still lying on the grass, where she had left him, and the tears were not yet dry in his beautiful eyes.

Оскар Уайлд

Соловей и роза (Сказка)

«Она сказала мне, что, скорее всего, согласилась бы потанцевать со мной, если бы я положил к ее ногам букет красных роз, - воскликнул юный Студент, - но, к сожалению, в моем саду вообще нет никаких красных роз».

Его крики услышал Соловей, сидящий в своем гнезде на вершине дуба, он удивленно выглядывал из листвы.

«В моем саду нет красных роз!» - снова воскликнул он, и его красивые глаза буквально наполнились слезами. «О, Боже, как мало надо для счастья! Я прочитал все творения, написанные мудрыми и знающими людьми, и смог постигнуть все секреты

философии, но у меня нет красной розы - и моя жизнь несчастна».

«Вот, наконец, по-настоящему влюбленный», произнес соловей. «Ночь за ночью пел я ему, не зная, кто он: ночь за ночью рассказывал я эту историю звездам, и вот сейчас он передо мной. Его волосы - цвета распустившегося в ночи гиацинта, губы - алые, словно лепестки роз, его лицо бледно от страсти, как у мертвеца, а печаль наложила свою печать на его чело».

«Завтра ночью Принц дает бал, - прошептал юный Студент, - и моя любовь будет там. Если я преподнесу ей красную розу, то она будет со мной танцевать до рассвета. Если я преподнесу ей красную розу, я заключу ее в объятия, она склонит голову мне на плечо, и ее рука окажется в моей руке. Но в моем саду нет ни одной красной розы, поэтому мне придется сидеть в одиночестве, а она пройдет мимо, не заметив меня. Я ей не нужен, и сердце мое разбито».

«Это настоящая любовь», - сказал Соловей. «Он страдает от того, о чем я пою; то, что для меня счастье, для него боль. Да, любовь - это удивительно. Она дороже изумрудов и драгоценных опалов. Ни за какие жемчуга и гранаты не купить любовь, она не продается на рынке. Ее не достанешь у купца, не взвесишь на весах ювелира».

«Музыканты расположатся в галерее, - сказал юный Студент, - запоют струны, и моя любовь начнет танцевать под звуки арфы и скрипки так легко, что ее ножки не коснутся паркета, и придворные в праздничных одеждах окружают ее со всех сторон. Но со мной она не будет танцевать, потому что у меня нет красной розы, чтобы подарить ее ей»; он упал на траву, закрыл лицо руками и зарыдал.

«Почему он рыдает?» спросила Зеленая Ящерица, которая бежала мимо него, держа хвост по ветру.

«В самом деле?» - произнесла Бабочка, порхавшая в солнечных лучах.

«Почему же?» прошептала Маргаритка своей соседке нежным голосом.

«Он плачет из-за красной розы», - сказал Соловей.

«Из-за красной розы?» - воскликнули они, - как это все же нелепо и смешно! и маленькая Гусеница, которая была немного цинична, так прямо и засмеялась.

Но Соловей-то понимал причину страданий мальчика; Соловей тихо сидел на ветке дуба и размышлял о непостижимых тайнах любви.

Вдруг птица расправила свои коричневые крылья и взмыла в воздух. Она пролетела сквозь рощу, как тень, и плавно пересекла сад.

Посередине зеленой лужайки стоял красивый куст роз, и когда птица увидела его, она подлетела поближе и присела на ветке.

«Дай мне красную розу, – воскликнула она, – и я спою тебе мою самую сладкозвучную песню».

Но куст лишь встряхнул своей кроной.

«Мои розы – белые, – ответил он, – белые, словно морская пена; они белее снега в горах. Лети к моему брату, который растет возле солнечных часов, и, возможно, он сможет тебе дать то, что ты ищешь».

Итак, Соловей подлетел к розовому кусту, который рос возле солнечных часов.

«Дай мне красную розу, – произнесла птица, – и я спою для тебя самую сладкую песню».

Но куст покачал кроной.

«Мои розы – желтые, – ответил он, – желтые, словно волосы русалки, сидящей на янтарном троне, желтее нарцисса, цветущего на лугу, пока не придут косари. Ты лети к моему брату, который растет под окном Студента, и, может, он даст тебе то, что ты хочешь».

Соловей полетел к дереву роз, растущему под окном у Студента,

«Мне нужна красная роза, – воскликнула птица, – и тогда ты услышишь мою самую прекрасную песню».

Но куст лишь покачал головой.

«Мои розы – красные, – ответило дерево, – красные, словно лапки голубя, краснее кораллов, трепещущих в морской пучине. Но, к сожалению, зима заморозила мою кровь, а мороз погубил бутоны, и сильный ветер сломал тонкие ветки, и поэтому в этом году роз нет».

«Мне нужна всего лишь одна красная роза, – воскликнул Соловей, – всего одна! Неужели нет способа добыть ее?»

«Есть один способ, – ответил куст, – но это так ужасно, что я даже не осмелюсь тебе это сказать».

«Скажи!, – попросил Соловей, – я не боюсь».

«Чтобы достать красную розу, – сказала дерево, – ты должен создать ее из музыки лунного света и обогреть ее кровью твоего сердца. Ты должен спеть с шипом в груди. Всю ночь тебе придется петь мне, и тогда шип пронзит твое сердце, а твоя кровь хлынет в мои вены и станет моею».

«Смерть – великая цена за красную розу, – воскликнул Соловей, – и жизнь – так дорога. Так приятно сидеть в зеленом леске, наблюдать Солнце в золотой, а Луну в жемчужной колеснице. Сладок аромат боярышника, прелестны голубые колокольчики, которые прячутся в долине, и вереск, цветущий на холмах. И все-таки Любовь выше Жизни. И что такое сердце птицы по сравнению с сердцем человека?»

Птица распахнула свои крылья и взмыла в воздух. Она пронеслась над садом, словно тень, и, подобно тени, проплыла через рощу.

Студент все еще лежал на траве, там, где Соловей оставил его, и слезы еще не успели высохнуть на его прекрасных глазах.

В. Аишчев

Mark Twain

History Repeats Itself

The following I find in a Sandwich Island paper which some friend has sent me from that tranquil far-off retreat. The coincidence between my own experience and that here set down by the late Mr. Benton is so remarkable that I cannot forbear publishing and commenting upon the paragraph. The Sandwich Island paper says:

How touching is this tribute of the late Hon. T. H. Benton to his mother's influence: "My mother asked me never to use tobacco; I have never touched it from that time to the present day. She asked me not to gamble, and I have never gambled. I cannot tell who is losing in games that are being played. She admonished me, too, against liquor-drinking, and what ever capacity for endurance I have at present, and whatever usefulness I may have attained through life, I attribute to having complied with her pious and correct wishes. When I was seven years of age she asked me not to drink, and then I made a resolution of total abstinence and that I have adhered to it through all time I owe to my mother."

I never saw anything so curious. It is almost an exact epitome of my own moral career – after simply substituting a grandmother for a mother. How well I remember my grandmother's asking me not to use tobacco, good old soul! She said, "You're at it again, are you, you whelp? Now, don't ever let me catch you chewing tobacco before breakfast again, or I lay I'll black snake you within an inch of your life!" I have never touched it at that hour of the morning from that time to the present day.

She asked me not to gamble. She whispered and said, "Put up those wicked cards this minute! – two pair and a jack, you numskull, and the other fellow's got a flush!"

I never have gambled from that day to this – never once – without a "cold deck" in my pocket. I cannot even tell who is going to lose in games that are being played unless I dealt myself.

When I was two years of age she asked me not to drink, and then I made a resolution of total abstinence. That I have adhered to it and enjoyed the beneficent effects of it through all time, I owe to my grandmother. I have never drunk a drop from that day to this of any kind of water.

Марк Твен

История повторяется

Нижеупомянутое было обнаружено мной в рукописи с Сандвичевых островов, которую прислал мне один друг из этого тихого уголка. Совпадение между посланием Мистера Джонсона и моим собственным опытом настолько поразительно, что я не могу удержаться от публикации этого текста и комментариев к нему.

В рукописи с Сандвичевых островов говорится: как трогательна эта дань покойного достопочтенного Т. Х. Бентона влиянию своей матери: "Моя мать попросила меня никогда не пробовать табака; я до сих пор к нему не прикасаюсь. Она попросила меня не играть в азартные игры, и я никогда в них не играл. Я даже не могу понять, кто проигрывает, глядя на то, как играют. Когда мне было семь лет, она попросила меня не пить, и тогда я принял решение бросить пить. И тем, что я держусь до сих пор, я обязан своей матери".

Я никогда не видел ничего более любопытного. Это почти точное повторение моей собственной истории. Как хорошо я помню, как моя бабушка просила меня не пробовать табак, добрая старушка! Она говорила: "Ты опять принялся за свое, не так ли мальчик? Не дай Бог мне еще раз застать тебя жующим табак перед завтраком: хорошенько выпорю". Со следующего дня я перестал жевать табак в этот час.

Она попросила меня не играть в азартные игры. Она прошептала: "Спрячь эти поганные карты! немедленно! Две пары и валет, глупый, а у того парня флеш!".

С тех пор я больше никогда не играл в азартные игры без "холодной колоды" в кармане. Я не могу предсказать, кто проигрывает, если карты раздаю не я.

Когда мне было два года, она попросила меня не пить, и я принял решение бросить пить. Тем, что я сохранил эту привычку и с выгодой ей пользовался, я во многом обязан своей бабушке, эти слезы доказывают мою благодарность ей. С тех пор я больше не пил ни капли воды.

Е. Терентьев

Lewis Carroll

Alice in Wonderland

Chapter II: The Pool of Tears

"Curiouser and curiouser!" cried Alice (she was so much surprised, that for the moment she quite forgot how to speak good English); "now I'm opening out like the largest telescope that ever was! Good-bye, feet!" (for when she looked down at her feet, they seemed to be almost out of sight, they were getting so far off). "Oh, my poor little feet, I wonder who will put on your shoes and stockings for you now, dears? I'm sure I shan't be able! I shall be a great deal too far off to trouble myself about you: you must manage the best way you can--but I must be kind to them," thought Alice, "or perhaps they won't walk the way I want to go! Let me see: I'll give them a new pair of boots every Christmas."

And she went on planning to herself how she would manage it. "They must go by the carrier," she thought; "and how funny it'll seem, sending presents to one's own feet! And how odd the directions will look!

*Alice's Right Foot, Esq.
Hearthrug,
near the Fender,
(with Alice's love).*

"Oh dear, what nonsense I'm talking!" just then her head struck against the roof of the hall: in fact she was now more than nine feet high, and she at once took up the little golden key and hurried off to the garden door.

Poor Alice! It was as much as she could do, lying down on one side, to look through into the garden with one eye; but to get through was more hopeless than ever: she sat down and began to cry again. "You ought to be ashamed of yourself," said Alice, "a great girl like you" (she might well say this), "to go on crying in this way! Stop this moment, I tell you!" But she went on all the same, shedding gallons of tears, until there was a large pool all round her, about four inches deep and reaching half down the hall.

Льюис Кэррол

Алиса в стране чудес

Море слез

«Прелюбопытнее и прелюбопытнее» всхлипнула Алиса (она была так ошарашена, что на время забыла, как следует правильно говорить).

«Я вытянулась как самая большая в мире подозрительная труба. Прощайте, ножки!» (Когда она взглянула на свои ноги, то они оказались так далеко внизу, что потерялись из виду).

«О, мои бедные, маленькие ножки, кто теперь будет надевать на вас чулочки и ботиночки, дорогие вы мои!? Вероятно, я уже не смогу этого делать! Я теперь слишком далеко, чтобы заботиться о вас. Так что вам следует присматривать друг за другом и справляться самим... И все же я должна быть добра с ними, подумала Алиса – в противном случае они не будут слушаться меня, и не пойдут туда, куда я им скажу! Что же делать?! Придумала! Я стану дарить им пару новых ботиночек на каждое Рождество!» Тут она представлять себе, как будет это делать. «Я буду посылать их почтой, думала она. – Все же, как смешно должен выглядеть человек, отправляющий подарки своим собственным ногам! И как глупо будет смотреться адрес:

*Госпоже правой ногой,
На коврике, возле камина.
(С любовью, Алиса).*

Боже, какую чепуху я несу!»

В этот самый момент она ударилась головой о потолок комнаты. В действительности ее рост был уже намного больше девяти футов, она легко дотянулась до маленького золотого ключика и бросила быстрый взгляд на дверь, ведущую в сад.

Бедная Алиса! Единственное что она могла сделать, это лечь и одним глазом выглянуть в сад, но надежды вылезти наружу не было никакой. Тогда она присела и снова заплакала.

«Тебе должно быть стыдно, – сказала Алиса сквозь слезы, – большая девочка (сейчас это как никогда соответствовало истине), а ревешь, как маленькая! Немедленно прекрати, я тебе говорю!» Но она плакала и плакала, обрушивая галлоны слез на пол комнаты, которая в скором времени заполнилась до половины, превратившись в огромное море.

Г. Путьра

Ray Bradbury

The Murderer (fragment)

Music moved with him in the white halls. He passed an office door: "The Merry Widow Waltz." Another door: "Afternoon of a Faun." A third: "Kiss Me Again." He turned into a cross corridor: "The Sword Dance" buried him in cymbals, drums, pots, pans, knives, forks, thunder, and tin lightning. All washed away as he hurried through an anteroom where a secretary sat nicely stunned by Beethoven's Fifth. He moved himself before her eyes like a hand, she didn't see him.

His wrist radio buzzed.

"Yes?"

"This is Lee, Dad. Don't forget about my allowance."

"Yes, son, yes. I'm busy."

"Just didn't want you to forget, Dad," said the wrist radio. Tchaikovsky's "Romeo and Juliet" swarmed about the voice and flushed into the long halls.

The psychiatrist moved in the beehive of offices, in the cross-pollination of themes, Stravinsky mating with Bach, Haydn unsuccessfully repulsing Rachmaninoff, Schubert slain by Duke Ellington. He nodded to the humming secretaries and the whistling doctors, fresh to their morning work. At his office he checked a few papers with his stenographer, who sang under her breath, then phoned the police captain upstairs. A few minutes later a red light hunked, a voice said from the ceiling:

"Prisoner delivered to Interview Chamber Nine."

He unlocked the chamber door, stepped in, heard the door lock behind him.

"Go away," said the prisoner, smiling.

The psychiatrist was shocked by that smile. A very sunny, pleasant warm thing, a thing that shed bright light upon the room. Dawn among the dark hills. High noon at midnight, that smile. The blue eyes sparkled serenely above that display of self-assured dentistry.

"I'm here to help you," said the psychiatrist, frowning. Something was wrong with the room. He had hesitated the moment he entered. He glanced around. The prisoner laughed. "If you're wondering why it's so quiet in here, I just kicked the radio to death."

Violent, thought the doctor.

The prisoner read this thought, smiled, put out a gentle hand. "No, only to machines that yak-yak-yak."

Bits of the wall radio's tubes and wires lay on the gray carpeting. Ignoring these, feeling that smile upon him like a heat lamp, the psychiatrist sat across from his patient in the unusual silence which was like the gathering of a storm.

"You're Mr. Albert Brock, who calls himself The Murderer?"

Brock nodded pleasantly. "Before we start..." He moved quietly and quickly to detach the wrist radio from the doctor's arm. He tucked it in his teeth like a walnut, gritted and heard it crack, banded it back to the appalled psychiatrist as if he had done them both a favor. "That's better."

The psychiatrist stared at the ruined machine. "You're running up quite a damage bill."

"I don't care," smiled the patient. "As the old song goes: 'Don't Care What Happens to Me!'" He hummed it.

The psychiatrist said: "Shall we start?"

"Fine. The first victim, or one of the first, was my telephone. Murder most foul. I shoved it in the kitchen Insinkerator! Stopped the disposal unit in mid-swallow. Poor thing strangled to death. After that I shot the television set!"

The psychiatrist said, "Mmm."

"Fired six shots right through the cathode. Made a beautiful tinkling crash, like a dropped chandelier."

"Nice imagery."

"Thanks, I always dreamt of being a writer."

Рей Брэдбери, Убийца

Музыка плыла с ним по белым залам. Он прошел мимо двери офиса: «Вальс Веселой Вдовы». Другая дверь – «Послеполуденный отдых Фавна». Третья – «Поцелуй еще разок!». Он свернул в сквозной коридор, и «Танец с саблями» захлестнул его грохотом цимбал, барабанов, кастрюль, сковородок, ножей, вилок, громом и жестяной молнией. Все стихло, когда он поспешно вошел в приемную, где, оглушенная пятой симфонией Бетховена, блаженствовала секретарша. Он подвигался перед её глазами, словно помахал рукой – она его не видела.

Его радиобраслет завибрировал.

– Да?

– Это Ли, пап. Не забывай о том, что мне нужны карманные деньги.

– Да, сынок, да. Я сейчас занят.

– Я тебе просто напомнил, пап, сказал радиобраслет. «Ромео и Джульетта» Чайковского заглушила голос сына и вылилась в длинные коридоры.

Психиатр шел по улью офисов, находясь в самом центре перекрестного опыления мелодий, где Стравинский соединялся с Бахом, Гайдн безуспешно отбивался от Рахманинова, Шуберт умирал под ударами Дюка Эллингтона. Он кивнул оживленным секретаршам и насвистывающим себе под нос бодрым докторам, которые занимались своими утренними делами. У себя в кабинете он проверил со своей стенографисткой, которая напевала себе под нос, некоторые бумаги, потом позвонил наверх капитану полиции. Пару минут спустя замигала красная лампочка, голос с потолка объявил:

– Задержанный доставлен в Комнату для Беседы номер Девять.

Он отпер дверь комнаты и вошел, услышав за собой щелчок запирающегося замка.

– Уйдите, – сказал заключенный, улыбнувшись.

Эта улыбка шокировала психиатра. Очень светлая, приятная и теплая, она озарила своим светом комнату, точно рассвет в темных горах. Полуденное солнце в полночь – такой лучезарной была эта улыбка. Голубые глаза спокойно сверкали над этой надменной выставкой ослепительных зубов.

– Я пришел, чтобы помочь вам, – сказал психиатр и нахмурился.

Что-то было не так в этой комнате. Он почувствовал это еще с порога. Мельком огляделся. Заключенного это рассмешило:

– Вас удивляет царящая здесь тишина? Я просто прикончил радио.

«Буйный», – подумал врач.

Заключенный прочитал эту мысль, улыбнулся и успокаивающе поднял руку:

– Нет, я так поступаю только с машинками, что лялякают.

Осколки ламп и кусочки проводов настенного радио валялись на сером ковре. Не обращая на это внимания, чувствуя эту улыбку поверх себя, словно жаркую лампу, психиатр сел напротив своего пациента в необычной тишине, похожей на затишье перед бурей.

– Вы мистер Альберт Брок, называющий себя Убийцей?

Брок радостно кивнул.

– Прежде, чем мы приступим... – он бесшумным и быстрым движением снял радиобраслет с руки врача, положил его в рот, будто грецкий орех, и стиснул зубы. Раздался хруст, и заключенный вернул останки огорошенному психиатру с таким видом, словно сделал им обоим величайшее одолжение.

– Так-то лучше, – сказал он.

Психиатр уставился на останки приемника:

– Вам приходится платить за растущий ущерб, не так ли?

– Плевать, – пациент улыбнулся. – Как в той старой песне: «Мне плевать, что станется со мною!» – он хохотнул над этим.

– Приступим? – сказал психиатр.

– О да. Первой моей жертвой был мой телефон. Самое гадкое убийство. Я запихнул его в кухонный измельчитель отходов! Бедняга подавился и погиб. После этого я пристрелил телевизор.

Психиатр промычал что-то невнятное.

– Зарядил шесть пуль прямо в кинескоп! Раздался мелодичный звон, точно от осколков хрустальных подвесок люстры.

– Хорошее воображение.

– Спасибо, всегда мечтал стать писателем.

Д. Васью

Поэзия

Percy Bysshe Shelley

The waning moon

And like a dying lady, lean and pale,
Who totters forth, wrapp'd in a gauzy veil,
Out of her chamber, led by the insane
And feeble wanderings of her fading brain,
The moon arose up in the murky East,
A white and shapeless mass...

Убывающая Луна

Как при смерти дама, худа и бледна,
Неверной походкой, вперед,
На мрачном востоке седая луна
Вся в дымке туманной взойдет.

И разум, у дамы сходящий на нет,
Рождаст прозрачный бесформенный свет.

А. Гильденберг

*Carl Sandburg***Jazz Fantasia**

Drum on your drums, batter on your banjos,
sob on the long cool winding saxophones.

Go to it, O jazzmen.

Sling your knuckles on the bottoms of the happy
tin pans, let your trombones ooze, and go husha-
husha-hush with the slippery sand-paper.

Moan like an autumn wind high in the lonesome treetops,
moan soft like you wanted somebody terrible, cry like a racing
car slipping away from a motorcycle-cop, bang-bang! You
jazzmen, bang altogether drums, traps, banjos, horns, tin
cans – make two people fight on the top of a stairway and
scratch each other's eyes in a clinch tumbling down the stairs.

Can the rough stuff ... now a Mississippi steamboat pushes
up the night river with a hoo-hoo-hoo-oo ... and the green
lanterns calling to the high soft stars... a red moon rides on the
humps of the low river hills ... go to it, O jazzmen.

*Карл Сэндберг***Джазовая фантазия**

Греми в барабаны, бей по банджо,
Гуди в длинный, холодный извилистый саксофон.
Давай, играй, о джаз-банд.

Стучи костяшками пальцев по дну счастливой
оловянной кастрюли, пусть твой тромбон изливает сладкие звуки,
и затише-тише-тихнет, услышав шуршащую наждачную бумагу.

Вой, как ветер, осенью задевший вершины деревьев, кричи
ужасным криком, плачь, как загнанный автомобиль,
ускользающий прочь от полицейского мотоцикла. Играй, играй,
джаз-банд, играйте все вместе и разом барабаны, банджо, рожки,
саксофоны, кастрюли, – заставьте двух парней драться на верхней ступени
лестницы, выцарапывать друг другу глаза и катиться вниз по ступеням.

Играйте грубо, неровно... пока на Миссисипи пароход
плывет вверх по ночной реке и поет: «у-у-у»,
обращая зеленые фонари к высоким и нежным звездам,
пока красный месяц скачет по темным хребтам прибрежных холмов...

Играй, о джаз-банд!

*Д. Румянцев**Robert Frost***Dust of Snow**

The way a crow
Shook down on me
The dust of snow
From a hemlock tree

Has given my heart
A change of mood
And saved some part
Of a day I had rued

*Роберт Фрост***Снежная пыль**

Так просто птица обошлась
Со мной, осыпав пылью.
Пыль, словно дождь, лилась, лилась
Со лживых листьев, с крыльев.

Затронув что-то в сердце,
Сменила настроение,
Вернула мне те дни,
Где грусть и сожаление.

Авторский перевод

Воронья былль,
На мне лежи.
Снежная пыль
С дерева лжи,

Возьми часть души,
Сменив настроение,
Но не потуши
Дней печальных волнения

В. Ашичев

Percy Bysshe Shelley

* * *

Music, when soft voices die,
Vibrates in the memory –
Odours, when sweet violets sicken,
Live within the sense they quicken.

Rose leaves, when the rose is dead,
Are heaped for the beloved's bed;
And so thy thoughts, when thou art gone,
Love itself shall slumber on.

Перси Шелли

* * *

Когда звучать аккорды перестанут,
То музыка живет в моем сознание;
Когда фиалки нежные завянут,
То память сохранит благоуханье.

Но даже розы посреди зимы
Не смогут скрасить наше расставанье,
Ведь от любви, что потеряли мы
Нам остается лишь воспоминанье.

А. Гильденберг

Edna St. Vincent Millay

My Candle

My candle burns at both ends:
It will not last the night:
But ah, me foes, and oh, me friends –
It gives a lovely light!

Эдна Винсент Миллэй

Моя свеча

I

Свеча сгорает с двух концов,
И уходить не хочет ночь.
Но есть друзья, полно врагов –
И, значит, есть, кому помочь!

II

Свеча сгорает с конца и с начала:
И солнца не будет, не видно причала:
Настигнут враги, помогут друзья –
И это все то, что мы любим не зря!

В. Аишичев

Ogden Nash

The fly

God in his wisdom made the fly
And then forgot to tell us why.

Просто муха

Хватило Богу мудрости создать однажды муху,
Но вот зачем она нужна, забыл шепнуть на ухо.

Полет

(шуточная версия)

Вот Бог захотел полететь, прежде чем
Сказать нам куда, и к кому, и зачем.

В. Аишичев

Amy Lowell

Night clouds

The white mares of the moon rush along the sky
Beating their golden hoofs upon the glass Heavens;
The white mares of the moon are all standing on their hind legs.

Pawing at the green porcelain doors of the remote Heavens.
Fly, mares!
Stain your utmost,
Scatter the milky dust of stars,
Or the tiger sun will leap upon you and destroy you
With one lick of his vermillion tongue.

Эми Лоуэлл

«Вечерние облака»

Белые лошади лунной стаи летят по небу,
Стуча золотыми копытами по небесному стеклу;
Встали на дыбы белые лошади луны.

Скрипят о зеленые хрупкие двери небес.
Летите, лошади!
Окрасьте все, что возможно,
Разбросайте молочную пыль всех звезд,
Иначе тигр солнца набросится и уничтожит вас,
Облизав своим ярко-красным языком.

Д. Егоров

Carl Sandburg

I have thought of beaches, fields,
Tears, laughter.

I have thought of homes put up –
And blown away.

I have thought of meetings and for
Every meeting a goodbye.

I have thought of stars going alone,
Orioles in pairs, sunsets in blundering
Wistful deaths.

I have wanted to let go and cross over
To a next star, a last star.

I have asked to be left a few tears
And some laughter.

Карл Сандбург

Я думал о пляжах, полях
О слезах, о смехе.

Я думал о растущих домах –
И снесённых.

Я думал о встречах и
О прощании - для каждой встречи.

Я мечтал о звёздах, гуляющих в одиночестве,
Об иволах парами, о неловких закатах,
О тоскующей смерти.

Я хотел отпустить одну звезду и уйти
К следующей, последней звезде.

Я просил, чтоб оставили горстку слёз
И каплю смеха.

В. Гринева

Robert Frost

The pasture

I'm going out to clean the pasture spring.
I'll only stop to rake the leaves away
(And wait to watch the water clean, I may):
I sha'n't be gone long. – You come too.

I'm going out to fetch the little calf.
That's standing by the mother. It's so young,
It totters when she licks it with her tongue
I sha'n't be gone long. – You come too.

Роберт Фрост

Пастбище

Я выхожу расчистить пастбище весной,
Мне нужно только листья разгрести
(И присмотреть за чистою водой).
Я ненадолго. – Приходи и ты.

Потом забрать теленка я пойду,
Его еще вылизывает мать.
Ему ведь даже на ноги не встать.
Я ненадолго. – Приходи и ты.

Е. Акинтьев

Amy Lowell

Night clouds

The white mares of the moon rush along the sky
Beating their golden hoofs upon the glass Heavens;
The white mares of the moon are all standing on their hind legs
Pawing at the green porcelain doors of the remote Heavens.
Fly, mares!
Strain your utmost,
Scatter the milky dust of stars,
Or the tiger sun will leap upon you and destroy you
With one lick of his vermilion tongue.

Эмми Лоуэлл

Ночные облака

Белые лунные лошади сквозь небо летят,
Стуча копытами по небесному хрусталу.
Белые лунные лошади встали на задние ноги.
В хрупкие двери отдаленного неба бьют копытами.
Летите, лошади!
Изо всех сил летите.
Разбрасывайте молочную звездную пыль
Или появится солнечный тигр и убьет вас,
Слизнет языком он.

Д. Никодюк

The Germ

A mighty creature is the germ,
 Though smaller than the pachyderm.
 His customary dwelling place
 Is deep within the human race.
 His childish pride he often pleases
 By giving people strange diseases.
 Do you, my poppet, feel infirm?
 You probably contain a germ.

Микроб

Могучий этот зверь – микроб,
 Хоть меньше он, чем даже клоп.
 Его привычное местечко –
 Под самой кожей человечка.
 Себе всегда он угождает:
 Людей болезнью заражает.
 Колотит вас, милок, озноб?
 Наверное, у вас микроб.

*Robert Frost***Fire and Ice**

Some say the world will end in fire,
 Some say in ice.
 From what I've tasted of desire
 I hold with those who favor fire.
 But if it had to perish twice,
 I think I know enough of hate
 To say that for destruction ice
 Is also great
 And would suffice.

*Роберт Фрост***Огонь и Лёд**

Говорят, что мир погибнет в огне.
 В ответ говорят – во льду.
 Страсти вкус известен мне,
 Я знаю – сгорю в аду.
 Но если дважды мир умрет,
 То и зла я довольно видал,
 Чтобы сказать: для гибели лед
 Выше всяких похвал.
 Он хорош, я знал наперед.

*И. Петруненко**А. Нечмир**Federico Garcia Lorka***Pueblo**

Sobre el monte pelado
 Un calvario.
 Agua clara
 Y olivos centenarios.
 Por las callejas
 Hombres embozados,
 Y en las torres
 Veletas girando.
 ¡Oh pueblo perdido
 En la Andalucía del llanto!

La guitarra

Empieza el llanto
 de la guitarra.
 Se rompen las copas
 de la madrugada.
 Empieza el llanto
 de la guitarra.
 Es inutil callarla.
 Es imposible
 callarla.

Llora monotona
 como llora el agua,
 como llora el viento
 sobre la nevada.
 Es imposible
 callarla.
 Llora por cosas
 lejanas.
 Arena del Sur caliente
 que pide camelias blancas.

Llora flecha sin blanco,
 la tarde sin mañana,
 y el primer pajarito muerto
 sobre la rama.
 Oh, guitarra!
 Corazon malherido
 por cinco espadas.

Федерико Гарсиа Лорка

Селение

На самой вершине горы –
Часовня.
Плеск прозрачной воды
Под сенью столетних олив.
Люди на улочках
От мира в плащи завернулись.
На башне
Флюгер вращается.
О, город затерянный
В плачущей Андалусии!

Гитара

Плач начинает гитара.
Разлился по небу рассвет.
Плач начинает гитара.
Напрасно пытаться.
Унять её невозможно.

Плачет протяжно, уныло,
Как ручей в пересохшем русле.
Как ветер, что воет над снегом.
Унять её невозможно.
Плачет о чём-то далёком.
Как почва, спалённая солнцем,
В тоске по камелиям белым.

Плачет, как стрелы без цели.
Как закат без рассвета.
Плачет предсмертной трелью
Умирающей птицы.
О, гитара!
Пять беспощадных клинков
Нестерпимо мне сердце ранят.

ПЕСНИ

Sting

Fields of Gold

You'll remember me when the west wind moves
Upon the fields of barley
You'll forget the sun in his jealous sky
As we walk in fields of gold

So she took her love
For to gaze awhile
Upon the fields of barley
In his arms she fell as her hair came down
Among the fields of gold
Will you stay with me, will you be my love
Among the fields of barley
We'll forget the sun in his jealous sky
As we lie in fields of gold

See the west wind move like a lover so
Upon the fields of barley
Feel her body rise when you kiss her mouth
Among the fields of gold

I never made promises lightly
And there have been some that I've broken
But I swear in the days still left
We'll walk in fields of gold
We'll walk in fields of gold

Many years have passed since those summer days
Among the fields of barley
See the children run as the sun goes down
Among the fields of gold
You'll remember me when the west wind moves
Upon the fields of barley
You can tell the sun in his jealous sky
When we walked in fields of gold
When we walked in fields of gold
When we walked in fields of gold

Стинг

Золотые поля

Ко мне ты вновь придешь
по западным ветрам
Среди полей бескрайних.
Забудешь солнца луч
В ревнивых небесах,
И мы уйдем
По – золоту полей.

Любовь ее нашла
И взглядом обожгла
Среди полей бескрайних,
Но – отпустив судьбу –
Запуталась в руках
Средь золота полей.

Останься, будь со мной,
самой любовью будь
Среди полей бескрайних.
Забудем солнца луч
в ревнивых небесах
в постели золотых полей.

Стараясь обещаний не давать
Я все же смог
Сломать их и разрушить.
Но через мглу пропавших дней
Пойдем по золоту полей.

Как много лет прошло
С тех давних летних дней
Среди полей бескрайних.
Уходят дети вдаль
Как вечером закат
Над золотом полей.

Ко мне ты вновь придешь
по западным ветрам
Среди полей бескрайних.
Расскажешь солнцу все
И пусть ревнует нас
Когда пойдем по золоту полей.

Взгляни на ветер мой,
Он как любовник шел
Среди полей бескрайних.
Лаская тела свет
Он прикинул к устам
Сквозь золото полей.

В.Ашичев

Nirvana

Lake of fire

Where do bad folks go when they die?
They don't go to heaven where the angels fly
They do down to the lake of fire and fry
Won't see them again till the fourth of July

Now the people cry and the people moan
And they look for a dry place to call their home
And try to find some place to rest their bones
While the angels and the devils
Fight to claim them for their own

Where do bad folks go when they die?
They don't go to heaven where the angels fly
They do down to the lake of fire and fry
Won't see them again till the fourth of July

Нирвана

Озеро огня

Куда уходят плохие парни, когда умирают?
Они не идут туда, где ангелы летают
Они спускаются к озеру огня и пылают
До 4 июля все они убывают.

Сейчас люди плачут, сейчас они стонут,
Ищут сухое место, чтоб назвать его домом,
Мечтают лишь об отдыхе для своих уставших костей,
А ангелы и черти борются за новых гостей.

Куда уходят плохие парни, когда умирают?
Они не идут туда, где ангелы летают
Они спускаются к озеру огня и пылают,
До 4 июля все они убывают.

О. Карпуненков

*Leonard Cohen***Everybody knows**

Everybody knows that the dice are loaded
Everybody rolls with their fingers crossed
Everybody knows that the war is over
Everybody knows the good guys lost
Everybody knows the fight was fixed
The poor stay poor, the rich get rich
That's how it goes

Everybody knows
Everybody knows that the boat is leaking
Everybody knows that the captain lied
Everybody got this broken feeling
Like their father or their dog just died
Everybody talking to their pockets
Everybody wants a box of chocolates
And a long stem rose
Everybody knows

Everybody knows that you love me baby
Everybody knows that you really do
Everybody knows that you've been faithful
Ah give or take a night or two
Everybody knows you've been discreet
But there were so many people you just had to meet
Without your clothes
And everybody knows

Everybody knows, everybody knows
That's how it goes
Everybody knows
Everybody knows, everybody knows

That's how it goes
Everybody knows

And everybody knows that it's now or never
Everybody knows that it's me or you
And everybody knows that you live forever
Ah when you've done a line or two
Everybody knows the deal is rotten
Old Black Joe's still pickin' cotton
For your ribbons and bows
And everybody knows

And everybody knows that the Plague is coming
Everybody knows that it's moving fast
Everybody knows that the naked man and woman
Are just a shining artifact of the past
Everybody knows the scene is dead
But there's gonna be a meter on your bed
That will disclose
What everybody knows

And everybody knows that you're in trouble

Everybody knows what you've been through
From the bloody cross on top of Calvary
To the beach of Malibu
Everybody knows it's coming apart
Take one last look at this Sacred Heart
Before it blows
And everybody knows

Everybody knows, everybody knows
That's how it goes
Everybody knows

Oh everybody knows, everybody knows
That's how it goes
Everybody knows
Everybody knows

*Леонард Коэн***Каждый знает**

Каждый знает шанса нет победить
Но каждый играет молясь на авось
Каждый знает ужасы войны - позади
Каждый видит то что добро сдалось
Каждый знает то что исход был ясен
И беден бедный и богатый богат
так всегда бывает
Каждый это знает

Каждый знает то, что дало течь судно
Каждый знает, что капитан чушь нес
Каждый себя чувствует так, как будто
Умер их отец или любимый пес
Каждый говорит со своим карманом
Каждый о коробке шоколада
И о розе мечтает
Каждый это знает

Каждый понимает, что меня ты любишь
Каждый знает - это точно не слух
Каждый знает, что ты была верна мне
Может, кроме ночи или двух
Каждый знает - ты была осторожной
Но нужно было встретить слишком многих людей
Одежду снимая
Каждый это знает

Каждый это знает, Каждый это знает
так всегда бывает
Каждый это знает

Каждый это знает, Каждый это знает
Так всегда бывает
Каждый это знает

Каждый знает то, что момент настал
Каждый знает, что, либо он, либо я
Каждый знает, что шанс один из ста
И умирая поймет, что все было зря
Каждый знает, сделка не удалась
Старый негр Джо до сих пор для вас
Хлопок собирает
каждый это знает

Скоро будет здесь она, говорят
Каждый знает то, что чума подходит
И обнаженные мужчина и женщина
Лишь только прошлого экспонат
Каждый знает то, что спектакль окончен
Лишь счетчик у твоего постели
Нам все являет
Каждый это знает

Каждый знает, что ты в беду попала
Каждый знает, как ты прошла свой путь
От кровавого креста Голгофы
До самых пляжей Малибу
Каждый знает то, что ушли те дни
Но на Святое Сердце взгляни
Его взрывают
Каждый это знает

Каждый это знает, каждый это знает
так всегда бывает
Каждый это знает

Каждый это знает, каждый это знает
так всегда бывает
Каждый это знает
Каждый это знает

Е. Терентьев